

Геннадий Красников

ГЛАВНАЯ ТЕМА РУССКОЙ ПОЭЗИИ



Николай Рубцов, как никто другой, почувствовал и выразил главную тему русской поэзии всего XX века! Почему Рубцов!

Вот вопрос, на который я пытаюсь ответить. Почему Рубцов, во-первых, занял столь значительное место в богатейшей русской поэзии? И, во-вторых, почему именно он, Николай Рубцов, стал безусловным явлением национальной культуры, а главное, как никто иной за последние полвека XX столетия, вошел сам собою, без всякого давления и, как теперь сказали бы, без всякой раскрутки в средства массовой информации, в народное сознание? В общем, как предсказано в его знаменитом «Экспромте»:

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!*

Да и кто в наших неизменно антинациональных СМИ — что советского, что постсоветского периода, особенно нынешнего, последнего периода — стал бы культивировать, насаждать в общественное сознание столь откровенно выраженное, корневое русское явление?

Итак, почему Рубцов? Ведь если брать его поколение, то в нем найдется немало ярких, талантливых имен. Не будем касаться творчества Алексея Прасолова, чей 75-летний юбилей только что прошел и, к сожалению,

как всегда, почти незаметно. Прасолов — это отдельная большая тема. Самобытность этого поэта общепризнанна, но его поэтическое своеобразие, его темперамент философа и мыслителя не пересекаются с более народной поэтикой Рубцова. Они шли к одной цели разными, как говорят пилоты, воздушными коридорами.

Был Анатолий Передреев. С четким, графическим рисунком стиха, с точной формулой внутреннего разлада, драматизма эпохи, поколения:

*...И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.*

Одним словом — окраина.

Или взята историзм Татьяны Глушковой, в поэзии которой каждое реальное, даже сиюминутное событие включено в большие исторические контексты.

Каждый из названных и не названных поэтов поколения и направления Рубцова оставили заметный след в русской поэзии, но и каждый из них признавал, не мог не признать, что Рубцов — один, в нем как бы соединились какие-то очень важные, главные качества русской поэзии второй половины XX века.

Известно, что в те годы, когда в литературу входил Рубцов, в поэзии во всю гремели так называемые «шестидесятники», представители шумной «эстрадной» поэзии. Весьма благополучная во всех отношениях компания, представители которой ныне почему-то на весь свет объявляют себя едва ли не самыми матерыми диссидентами, гонимыми антисоветчиками, чуть ли не головой рисковавшими за свою якобы немислимую крамольность. Характерно, к примеру, признание А. Вознесенского, одного из самых громких литературных деятелей той поры. Вознесенский вспоминает, как во времена распада СССР Жаклин Онассис (бывшая Кеннеди), очень любившая нашу страну, сказала: «Россию растащат, как свою добычу, соседние хищные птицы». «Я еще тогда не понимал этого», — добавляет пророк стадионов и телевизионных экранов, не разглядевший, как Россия и все рус-

ское уже корчилось от предчувствия будущей боли. И это предчувствие имело свой голос, свое действительно пророческое слово.

В стороне от опереточной самолюбленности стадионных «героев-любви» на час» заговорила глубина России, ее историческая и культурная память, ее тревожная совесть. «Явление» аккуратно и предсмотрительно скромно назвали «тихой лирикой», по аналогии с горлопанящей «эстрадной» поэзией. Но, как было ясно уже тогда и как показало время, именно «тихая лирика» в своей честности и любви к России являлась наибольшей опасностью для идеологии большевистского режима. Ничто так не страшило власть, как пробуждение от исторического беспамательства. Трагикомический парадокс в том, что «шестидесятники» — духовные отцы нынешних демократов — всегда ведь боролись не с советской властью, а за «очищение» от искажений и извращений «ленинских принципов»... А под эту словесную трескотню вечный странник и бесприютный сирота на родной земле, молодой поэт Николай Рубцов пишет другую, человечную и реальную историю своей Родины:

*...Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филля, что молчаливый?
— А о чем говорить?*

Что же, в конце концов, осталось от «громкой» поэзии? Пустой звук. А пророчества русской литературы, не изменившей тяжелому призванию быть совестью своего народа, пережили многих, и поньне здравствующих и благоухающих французскими лосьонами вчерашних кумиров. Ибо задолго до того, как те, «ничего не понимая», сыто слушали на роскошных виллах и комфортабельных яхтах предупреждения русофильствующей миллионерши Онассис, нищий и обездоленный Николай Рубцов написал великое стихотворение — предупреждение о трагическом будущем России:

*...Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли*

Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов

в окрестностях России...

Сегодня эти стихи звучат особенно актуально, когда «лес крестов» ставится ежегодно на миллионах свежих русских могил. Когда уже не только в столице России, но и в других ее городах мы чувствуем себя чужими, когда уже требуют снести кресты с Государственного герба, а завтра и с наших храмов. Когда от нас требуют толерантности и политкорректности к «нагрянувшим» хамам, рвущим на части нашу страну...

Казалось, что после того, как Есенин сказал: «Я – последний поэт деревни», это сказано навсегда и связь времен прервалась окончательно. Например, ярославский деревенский парнишка Алексей Сурков (из деревни Середнево) на Первом съезде советских писателей с большевистской прямотой выразил мнение многих: «Вопрос о прощании с прошлым... никогда не стоял». Иными словами, он без колебаний и тени смущения признавал, что в литературу и в жизнь ворвались люди без прошлого, без памяти, без культуры, без роду и племени...

Рубцов же, как никто другой, почувствовал и выразил главную тему русской поэзии всего XX века! Эта тема – тоска по России...

Тема не одной исключительно эмигрантской поэзии, но именно всей русской поэзии. Словно все мы в XX веке оказались в эмиграции, без тысячекратной Родины, наблюдая с обрывистого берега 1917 года, как плачет «в небе отчалившая Русь»...

Неслучайно в поэзии Рубцова – и только у него! – сквозным мотивом проходит МОТИВ СИРОТСТВА, мотив неприютности, бездомности. Так факт личной биографии вырастает до глобального символа, до исторической метафоры...

Иначе и быть не могло, ибо с билейских времен, кажется, никогда еще не случалось целому народу оказаться почти в вековом сиротском блуждании по фантомной стране, оторванной от родного материка, в расколе гражданской войны, среди чужих миражей и химер, без своей истории, без прошлого, без своей культуры, без царя в голове, без креста на отчих могилах, без веры, без Русского Неба.

И вот каким-то чудесным образом именно Рубцов сумел выразить эту тоску, это сиротство, это свое родство с «отчалившей Русью» и в каком-то смысле смог связать края той ускользающей есенинской нити с современной Россией, в которой, как выясняется, есть не только «окраина», но и свой центр, свое духовное и

культурное солнечное сплетение. Отчизна, оказывается, только затаилась, только притихла на время, только «задремала» под чужой болтовней, под лживыми позунгами:

Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных,
вольных племен!
Как прежде скакали на голос
удачи капризной,
Я буду скакать по следам
миновавших времен...

«Задремавшая отчизна», «неведомый сын», «следы миновавших времен» – это же «отчалившая Русь», это же град Божий, как облако, отлетевший на миг, но возвращающийся, ищущий тех, кто может их увидеть, кто сам живет и ходит по следам святой Руси...

Ведь вот в этом стихотворении, написанном в 1963 году, когда эстрадных крамольников просвечивали, как рентгеном, Рубцов произносит немислимые по тем временам слова, которые просто невозможно написать без отмеченности особой, высшей благодатью: «...Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...»

В своей книге Роковой зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба» я писал о странной связке, парности таких полярных во всем поэтов, как Рубцов и Бродский.

В притяжении этих противоположностей наиболее выпукло, рельефно открывается характер поэзии Рубцова. У Бродского тоже есть стихи о холмах, как будто бы похожие на рубцовские:

...Ты поскачешь во мраке
по бескрайним холодным холмам
вдоль березовых роц,
отбежавших во тьме
к треугольным домам...

Обратите внимание: у Бродского целый цикл – «Холмы». У Рубцова одно знаменитое стихотворение, «Видения на холмах», где ключевое слово: ВИДЕНИЯ.

Необъяснимые роковые сближения и расхождения порою в одном единственном слове. «Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам» – у Бродского. «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» – у Рубцова.

Кажется, «холодные холмы» – лишь изящная звукопись, виртуозно спрятанная анаграмма. Но выбор слов – это выбор судьбы, как говорил сам Бродский, а всякая судьба чрезвычайно чувствительна к холоду, как, впрочем, и к теплу. Для одного эти холмы – холодные, чужие, литературные, для другого – это:

...ночное дыханье
и тайные сны неподвижных
больших деревень...

И – «следы миновавших времен», то есть все наполнено теплом, тайною «задремавшей», ждущей про-

буждения Отчизны... И эта разность, разделяющая пропасть, тем очевидней, когда поэты говорят почти об одном и том же.

Там, где Бродский пишет:
...Чем тесней единенье,
тем кромешней разрыв, –
Там у Рубцова:
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

«Связь» и «разрыв» – всего два слова, а в сущности – две несходимые, несводимые судьбы. Две России.

Одна без прошлого, а значит, и без будущего, другая – живая, таинственная, где на духовном Куликовом поле не прекращается вечный поединок и где смерть, к сожалению, собирает ранний оброк лучшими из лучших, а потому и самыми незащищенными, какими были Шукшин, Вампилов, Рубцов...

Еще два слова о том, почему, на мой взгляд, Николай Рубцов стал явлением национальной культуры, вошел в народное сознание...

Как мне кажется, подлинно народному признанию поэзии Рубцова способствовала в большинстве случаев песенная интонация, мелодическая основа его стихов, столь соразмерная и созвучная широкой, ритмически гибкой и чуткой нашей национальной душе. Песенная стихия его поэзии, связанная с популярной в народе традицией городского романа, – тема для отдельного разговора. Скажу только, что многие известные стихи поэта буквально пронизаны, как кровеносной системой, музыкальным контекстом. После Блока и Есенина, пожалуй, никто так свободно и органично не владел жанром сентиментального городского романа, ведущего свою традицию и от народной песни, и от душещипательного бродяжьего фольклора. Неслучайно многие стихи Рубцова давно разлетелись по всей России как народные песни. Выдающийся русский композитор, один из лучших наших мелодистов Александр Морозов написал более шестидесяти песен на стихи Николая Рубцова, тридцать лет отдав работе над прекрасным рубцовским циклом...

Но народ наш мудрый. У его души – тонкий слух. На простой мелодической мякне, на стилизации «под народное» ее не проведешь. Ей нужна другая, созвучная душа, ей нужна тайна – тайна поэзии, о которой Рубцов и сказал:

...Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто.

Тут, быть может, поэт ошибся. Народ услышал эти «печальные звуки», эту печаль о России, об одиноком человеческом пути в стихах Николая Рубцова. Поэтому его поэзии обещана долгая жизнь в русском слове и в русской душе.